

Мусина Лиана Равилевна

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА "ДОМ" В СВЕТЕ ОБРЯДОВЫХ ТРАДИЦИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОВЕСТЕЙ В. РАСПУТИНА, Е. НОСОВА)

В статье выделяются и раскрываются языковые способы и средства репрезентации концепта "дом" в произведениях В. Распутина "Прощание с Матерой", "Живи и помни" и Е. Носова "Усвятские шлемоносцы". Автор подчеркивает, что концепт "дом" является бесценным ключом к пониманию культуры. Главным средством репрезентации слова "дом" являются "социальные, семейно-бытовые" виды обрядов.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/6-1/34.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 6 (36): в 2-х ч. Ч. I. С. 129-132. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/6-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

Результаты опроса свидетельствуют о том, что процесс постоянного заимствования из английского языка действительно волнует как жителей Франции, Канады, так и африканских стран, поскольку ответы, полученные на первый вопрос, были практически идентичные. Однако уже последующие результаты впечатляют. Большинство французов считают, что англицизмы не представляют серьезной угрозы для национального языка, тогда как африканцы оценивают процесс заимствования из английского языка как опасное явление, угрожающее «чистоте» французского языка. Последующие вопросы только усиливают без того значительную разницу в ответах французов и африканцев. Последние считают, что в данных условиях просто необходимо заменять каждый англицизм французским эквивалентом, тогда как французы не так категоричны.

Однако мнения респондентов сходятся по поводу адаптации заимствованной лексики, которая, по их мнению, с трудом интегрируется в повседневный язык общения. Что касается жителей Канады, то ответы респондентов достаточно предсказуемы в условиях билингвальной языковой среды.

Итак, несмотря на то, что отношение респондентов к англицизмам различно, жители трех континентов осознают неизбежность засилья англо-американской лексики во французском языке, а также обеспокоены возможными последствиями глобализации.

Важно понять одно: проблема сохранения французского языка в современном мире не должна оставаться темой коллоквиумов, обсуждаемой только лингвистами. Ее нужно рассматривать как национальную проблему, ибо от решения этой проблемы зависит образ Франции, ее самобытность, ее место в мире.

Список литературы

1. **Пронина Т. В.** Английские заимствования в китайском языке как результат процесса глобализации // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 6-2 (24). С. 166-169.
2. **Шемчук Ю. М.** Заимствования как проявление гетерогенности и следствие лингвотолерантности // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 6-1 (24). С. 213-215.
3. **Шемчук Ю. М.** Лингвотолерантность в эпоху глобализации // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М. А. Шолохова. Филологические науки. 2013. № 1. С. 95-98.
4. **Étiemble R.** Parlez-vous français? Gallimard, 1964.
5. **Guiraud P.** Les mots étrangers. Paris, 1971.
6. **Petit Larousse.** Paris, 2014.

ANGLICISMS IN THE FRENCH LANGUAGE AS A CONSEQUENCE OF GLOBALIZATION PROCESS

Mokrushina Natal'ya Yur'evna

*Sholokhov Moscow State University for the Humanities
nataly.mok@mail.ru*

In the article English borrowings in French are considered. In this context the history of Anglicisms penetration and adaptation of the Anglo-American vocabulary are analyzed, the sociolinguistic consequences of this process are studied. The author compares the attitude of different French-speaking countries towards this problem and grounds the proposition that people of three continents realize inevitability of Anglicisms dominance in French and they are also anxious about possible consequences of globalization.

Key words and phrases: globalization; the French language; borrowings; Anglicisms; Francophonie; bilingualism; national language.

УДК 81-2

Филологические науки

В статье выделяются и раскрываются языковые способы и средства репрезентации концепта «дом» в произведениях В. Распутина «Прощание с Матерой», «Живи и помни» и Е. Носова «Усвятские шлемоносцы». Автор подчеркивает, что концепт «дом» является бесценным ключом к пониманию культуры. Главным средством репрезентации слова «дом» являются «социальные, семейно-бытовые» виды обрядов.

Ключевые слова и фразы: концепт; концептосфера; культура; обряд; ритуал; нравственная норма.

Мусина Лиана Равилевна

*Бакирский государственный университет
musinaliana@yandex.ru*

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «ДОМ» В СВЕТЕ ОБРЯДОВЫХ ТРАДИЦИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОВЕСТЕЙ В. РАСПУТИНА, Е. НОСОВА)©

Художественный текст представляет собой систему языковых средств, выражающую представления автора о мире. На основе личного когнитивного опыта в сознании писателя формируются концептуальные структуры, отражающие индивидуально-авторское знание о мире, которые находят свое выражение в тексте.

В рамках лингвокультурологии есть базовые концепты, которые отражают специфику национально-культурной картины мира, например концепт «дом».

В русской лингвистической школе термин «концепт» является ключевым понятием с начала XX века.

Ю. С. Степанов определяет концепт как «сгусток культуры» [12, с. 40]. В концепт впитывается не сама реальность, а определенные представления о ней. Это вовсе не абстрактная сущность. Концепт всегда конкретен, социален и историчен; закреплен во времени, переходящ, хотя он воспринимается современниками как вечная истина. Ю. С. Степанов утверждает, что «концепты не только мыслятся, они переживаются». По мнению Ю. Н. Караулова, концепт – один из элементов, образующих концептуальную картину (модель) мира. Концепты – это группы сверхпонятий, составляющие собой «"константы сознания" (то есть обобщения элементов ЯКМ, имена объединений семантических полей)» [6, с. 247].

Интересно изучение языковой репрезентации концепта «дом» в художественных текстах. Наиболее ярко с опорой на повести В. Распутина «Прощание с Матерой», «Живи и помни» [10], Е. Носова «Усвятские шлемоносцы» [8] мы можем их описать и выявить новые грани данного концепта.

Своеобразным актом возвращения к праистокам национального бытия в «деревенской» прозе стал быт и образ дома. Толкования слова «дом» этимологами нам обнаружить не удалось.

Природа и архетипический образ дома являются своеобразными центрами мифопоэтической картины мира в произведениях А. Солженицына, В. Распутина, Е. Носова, В. Белова, В. Астафьева, Ф. Абрамова, В. Шукшина и др. Местом действия в этих произведениях являются дом, изба, двор.

Символика дома в произведениях названных авторов многозначна. Дом в повестях «Усвятские шлемоносцы», «Последний срок», «Прощание с Матерой», «Живи и помни», как в русской жизни и культурной традиции, является символом национального бытия, «духовной оседлости» [7, с. 57] нации, воплощением и символом Родины, устойчивого целостного бытия. Символический смысл образа дома в «деревенской прозе» связан с религиозными и языческими представлениями народа. В. Распутин, В. Астафьев, Ф. Абрамов, Е. Носов возвращали сакрализацию дома как храма, обрядового Божьего пространства. По наблюдениям культуролога А. Афанасьева, «изба была первым языческим храмом. Оттого слова хоромы (дом, жилище) и храм (освященное место богослужения) – филологически тождественны» [2, с. 67]. Действительно, только на Руси в домах, в красных углах висят иконы, образа, горит лампада. Последнее пристанище человека называется «домовина». Практически во всех произведениях В. Распутина, В. Астафьева, Ф. Абрамова, Е. Носова, А. Солженицына в домах есть образа, и авторы изображают обряды моления, крестного жеста, просьбы о прощении, «божьего благословения».

Мысль о доме как Божьем пространстве в русской культурной традиции связана с пониманием дома как центра национальной вселенной. Так, Г. Гачев писал: «Дом – макет мироздания, двор – модель вселенной» [3, с. 21]. Исследователь Кс. Мяло называет «крестьянскую избу – в миниатюре – образом упорядоченной вселенной, космоса» [7, с. 253]. Б. Н. Путилов отмечает, что «в русской избе, обычно ориентированной по сторонам горизонта, красный угол устраивался в дальнем углу избы, с восточной стороны, в пространстве между боковой и фасадной стенами, по диагонали от печи. Это всегда была самая освещенная часть дома: обе стены, образующие угол, имели окна» [9, с. 121]. Как пишет А. Терещенко, иконы помещались в «красный» или «передний» угол комнаты с таким расчетом, чтобы икона была первым, на что обращал внимание человек, входящий в комнату. Входя или выходя из комнаты или дома, христианин прежде всего оказывал почести Царю Небесному, а уж потом – хозяину дома [13, с. 77]. Эта уходящая в прошлое традиция воспроизведена В. Распутиным и Е. Носовым. В «горнице» Касьяна «в полутьме красного угла перед ликом Николы-Угодника ровно лампадка» [8, с. 149]. И герой, который «перезабыл молитвы, которым наставляла покойница бабка», теперь на пороге новой, тревожной жизни душой обращается к Богу, и домашние помогают ему: «Войдя в горницу... увидел освященный угол, догадался, что сегодня лампада зажжена для него, в его последний день, в знак прощального благословения» [Там же, с. 187-188]. Так герой идет на войну под Божьим благословением. Практически все рассматриваемые нами писатели подчеркивают, что деревни в их произведениях стоят «высоко», устремлены вверх, к Господу. «На горе расположилась деревня Атамановка» [10, с. 394], «на высоком берегу Ангары расположилась деревня» [Там же, с. 217], «на взгорье» стоят деревни в «Последнем сроке» [Там же, с. 38], «Усвятских шлемоносцах» [8, с. 80]. В этом, вероятно, проявляется обрядовый характер русского крестьянского зодчества.

В повестях «Прощание с Матерой», «Последний поклон», «Усвятские шлемоносцы», как и заведено на Руси, чистая половина дома называется «горница». Это символ устремленности к миру «горнему», небесному, Божьему.

В исследуемых повестях мир дома сакрален, свят. В «Прощании с Матерой» В. Распутина дом и его убранство для старых материнцев – это живая суть, живые память и корни, которые связывают человека с прошлым, с предками. Сцена обряжения Дарьей дома перед его сожжением является одной из кульминационных в повести. Тут героиня свято воспроизводит культурно-поведенческий опыт веков, бытовые привычки, те нравственные нормы, которые уложены в порядок, в закон жизни. В двадцатой главе повести Дарья через силу белит свой уже обреченный на гибель дом. Поведение героини ритуально строгое, церемониально упорядоченное. Её жесты, поступки строго регламентированы нормами патриархальной народной жизни. «Белить избу всегда считалось напраздником... но теперь ей предстояло готовить ее <...> к смерти» [10, с. 353]. Ритуал приготовления избы к смерти есть воспроизведение ритуала соборования усопшего, который состоит из ряда обрядовых действий: мытье дома есть аналог обмывания покойника; обряжение избы в чистые половики, занавески отражает обряд обряжения усопшего в чистое белье и одежду. При этом она сама белит избу, не принимая помощи подруг: «Дух из нее вон, а сама, эту работу перепоручать никому нельзя» [Там же, с. 354]. Оглядываясь, Дарья замечала, что изба все понимает: «Быстро сохнет. Чует, че к чему, торопится» [Там же, с. 355]. В тот же день Дарья все успела: выбелила избу и русскую печку подмазала, и помыла «красеную заборку»

и подоконники, сама себе удивляясь, что к «*ее собственным слабым силенкам какое-то отдельное и особое дополнение ради этой работы*» [Там же]. На следующий вечер, протопив печь, помыв пол и окна, она сидела на завалинке, «*чувствуя стеной ее изношенное, шершавое, но теплое и живое дерево*»; «*Дарья повесила на окошки занавески, расставила кухонную утварь по своим местам*»; «*она взглянула в передний угол и догадалась, что там должны быть ветки пихты*» [Там же, с. 356-357]. Старуха принесла и их: «*От пихты тотчас повеяло печальным курением последнего прощания... И вся изба сразу приняла скорбный и отрешенный, застывший лик*» [Там же, с. 360]. Обряд отпевания умершего повторяется в ночных молитвах Дарьи: «*И всю ночь она творила молитву, виновато и смиренно прощаясь с избой... Утром... она перекрестила передний угол... и, не оборачиваясь, зашагала вперед*» [Там же, с. 304]. После омовения, обряжения, причащения, отпевания покойника нельзя тревожить, так и Дарья не впускает «пожогщиков» в дом, велит поджигать избу снаружи.

Высшим святотатством в повести является преступный поступок Петрухи и Клавки Стригуновой, которые сами сожгли «*материнскую избу*», «*отцову-дедову избу*», чтобы «*получить за нее деньги*» [Там же, с. 216].

В рассматриваемых произведениях образ дома вырастает до масштабов образа исторического дома. Так, Матера для стариков Дарьи, Симы, Богодула, Катерины – это дом и живая субстанция.

В повести Е. Носова «Усвятские шлемоносцы» для Касьяна, собравшегося на войну, его дом – это тоже Родина, которую ему предстояло защищать. Перелом в судьбе героя и в сюжете показан через резкое изменение отношения его к избе. Объявленная война воспринимается Касьяном как катастрофа, нависшая над Родиной – домом. Герой, возвращавшийся из лугов в деревню, увидел свой дом уже другим: «*Все предстало серым и незнакомым: сиротливы серые избы, серые огороды... серые ставни на каких-то потухших, незрячих окнах родной избы*»; «*война свое сделала чужим. Касьяну уже не хотелось домой. Привычный мир утратил свою законченность, красоту и тепло*» [8, с. 34]. Не только дом, но и вся деревня казалась Касьяну «*жалко обнаженной под куда-то отдалившимся небом*» [Там же, с. 35]. Даже предстало, будто неба и не было вовсе, «*будто его сорвало и унесло*» [Там же]. Если в начале повести «белый свет» предстает во всей величавости и полноте: в небе – солнце, на земле – луга, река, лес, деревня, то трагический поворот жизни меняет зрение – земля видится «без неба». В фольклоре дом без крыши – «нежилой или чужой дом» [1, с. 79]. Касьян, так любивший свою избу, «*впервые при виде голубых окошек испытывал незнакомое чувство щемящей неприятности*» [8, с. 37]. Родная изба чудится Касьяну «*обезглавленной до самого сруба, с дырой в серую пустоту*» [Там же, с. 36]. «Обезглавленный» дом без крыши становится символом народной беды, образом разрушающегося мира. И у Касьяна «*рвались последние ниточки, привязывающие к деревне, к привычным делам*» [Там же, с. 109].

Особую значимость в организации пространства дома имеют образы порога, ворот. Как отмечает исследователь А. Гуревич, «эти образы в народном представлении разделяли – «*доброе*» и – «*враждебное*» пространство» [4, с. 29]. По мысли В. Синенко, «порог, крыльцо, ворота – границы домашнего пространства, выполнявшие роль оберега» [11, с. 29]. Вероятно, с таким пониманием порога связана поговорка: «Вот – Бог, а вон – порог». В рассматриваемых нами повестях порог, ворота играют традиционную роль границы между чистым, сакральным, Божьим пространством дома и внешним, часто враждебным миром.

Образ порога в рассматриваемых повестях связан с кризисными, напряженными событиями. Так, в повести «Прощание с Матерой» в сцене прощания Настасья и Егора с избой старухи собрались и «*расселись у порога*» «*молча, подавленно*» [10, с. 244], наблюдая, как хозяева собирают последние пожитки. Оставляя осиротевшую, пустую избу, Настасья велит мужу: «*Ворота закрывай. А то скот наберется, напакостит*» [Там же, с. 245]. На что Дарья отвечает: «*Каждин день буду смотреть. Ты об этом не думай*» [Там же, с. 246]. Так старики заботятся о чистоте даже обреченного на гибель двора. Оставляя избу, Настасья просит Дарью взять к себе кошку Ньюню. По народным поверьям кошка также является неким оберегом дома. А умывающаяся кошка – знак беды. Настасья, глядя на Ньюню, которая с «*утра терла мордочку лапками*», тревожно думает: «*Ох к беде!*» [Там же, с. 211]. В сцене обряжения Дарьей дома старухи у порога молча наблюдают, как она моет избу, не смея переступить порог, помешать священнодействию хозяйки. Закончив работу, Дарья велит «пожогщикам» палить избу снаружи, не переступать порог, не поганить дом сапогами: «*Все. Зажигайте. Но чтоб в избу ни ногой...*» [Там же, с. 361].

Богодул, каждый раз приходя в дом Дарьи на посиделки, не проходит сразу к столу, а «*присаживается у порога*», ждет, когда та сама пригласит. В одной из кульминационных сцен уничтожения кладбища Богодул с порога, не проходя в горницу, сообщает эту трагическую весть: «*Мертвых гр-рабют*» [Там же, с. 200].

В повести «Усвятские шлемоносцы» семья, провожая Касьяна на войну, «присела у порога». Здесь он мысленно прощается с родным домом перед уходом во враждебный мир.

В повести «Живи и помни» дезертир Андрей Гуськов, вернувшись в родную Атамановку, не посмел переступить порог своего дома. Он спрятался в бане, которая по народным приметам считается местом, где живет нечистая сила.

Таким образом, в данных повестях отношение героев к порогу, воротам неоднозначное. Для праведных старцев, нравственно чистых героев образы границы – святые места. Они соблюдают обрядовое отношение к ним. Герои беспамятливые, нравственно падшие оскверняют порог, ворота, а вместе с ними и чистую избу.

Дом в повестях В. Распутина и Е. Носова – это категория экзистенциальная. Для Анны, Дарьи, Касьяна дом – это не только жилище, а, говоря словами Гегеля, «родина души», обитель и пристанище духовных начал жизни. Он становится символом судьбы, мерой вещей; мерой духовности и бездуховности героев, их нравственной состоятельности или несостоятельности.

Сквозной в «онтологической прозе» является коллизия испытания поколения отцов и детей отношением к дому. Молодые материнцы не выносят этого испытания. Не воспринимая деревню как дом, они с легким сердцем расстаются и с деревней, и с отчими домами, жгут их и рвутся в города, к благам цивилизации.

В повестях В. Распутина, В. Астафьева, Е. Носова мир дома изображен как мир ритуальный, обрядовый. Именно здесь авторы особенно ярко и полно выделяют нормы бытового поведения как поведения нравственного, духовного.

Таким образом, в художественной картине мира В. Распутина, Е. Носова образ дома опоэтизирован, возвышен как сакральный центр народного мира. Универсальный концепт «дом» является бесценным ключом к пониманию культуры, поскольку передает специфику образа жизни и мышления народа. Главным средством репрезентации образа дома являются «социальные, семейно-бытовые виды обрядов» [5, с. 5-6]. Соблюдение или нарушение их символизирует трагическое противостояние целостного, укладного мира и мира рушащегося, катастрофичного. Индивидуально-авторские знания о мире формируют специфические концептосферы посредством различных способов репрезентации концепта «дом» в художественных текстах. Авторы часто употребляют метафоры очеловечивания дома. На материале повестей «деревенской прозы» можно выделить следующие грани концепта «дом»: дом – сакральное место; упорядоченная модель вселенной; обитель духовных сил.

Список литературы

1. Аникин В. П. Фольклор как коллективное творчество народа. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1969. 286 с.
2. Афанасьев А. Н. Религиозно-языческое значение избы славянина // Афанасьев А. Н. Народ-художник. Миф. Фольклор. Литература. М.: Совр. Россия, 1986. 366 с.
3. Гачев Г. Д. Национальные образы мира. М.: Академия, 1998. 512 с.
4. Гуревич А. Я. Категория средневековой культуры. М.: Наука, 1989. 368 с.
5. Жигульский К. Праздник и культура. М.: Прогресс, 1985. 336 с.
6. Караулов Ю. Н. Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. М.: Наука, 1987. 263 с.
7. Мяло Кс. Оборванная нить // Новый мир. 1998. № 8.
8. Носов Е. И. Усвятские шлемоносцы: повесть. М.: Молодая гвардия, 1986. 240 с.
9. Путилов Б. Н. Фольклор и народная культура. СПб.: Наука, 1994. 464 с.
10. Распутин В. Г. Живи и помни: повести, рассказы. М.: ЭКСМО, 2010. 637 с.
11. Синенко В. С. Поэтический космос русской прозы середины XX века. Уфа: Издательство «Восточный университет», 1997. 151 с.
12. Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. 824 с.
13. Терещенко А. В. Быт русского народа. М.: Русская книга, 1999. 312 с.

REPRESENTATION OF THE CONCEPT "HOME" IN THE LIGHT OF RITUAL TRADITIONS (BY THE MATERIAL OF V. RASPUTIN'S AND E. NOSOV'S NARRATIVES)

Musina Liana Ravilevna
Bashkir State University
musinaliana@yandex.ru

In the article linguistic ways and means of representation of the concept "home" in V. Rasputin's "Farewell to Matyora", "Live and Remember" and in E. Nosov's "Usvyatskie Helmet Wearers" are revealed. The author emphasizes that the concept "home" is an invaluable key to culture comprehension. The main means of the word "home" representation is "social, family and everyday" kinds of rites.

Key words and phrases: concept; conceptual sphere; culture; rite; ritual; moral standard.

УДК 82.512.1–131

Филологические науки

Статья посвящена дастану о Тахире и Зухре, записанному В. Радловым у сибирской этнической группы татар. Автор исследует влияние устного и письменного эпоса на данный вариант, отмечает два источника варианта В. Радлова – это, несомненно, традиции устно бытовавших дастанов, а также литературно-письменные эпические традиции татар Поволжья. Выдвигая концепцию о татарских книжных дастанах, в рассматриваемом варианте, автор раскрывает сочетание фольклорных и индивидуальных начал.

Ключевые слова и фразы: тюркский эпос; фольклор; устный дастан; книжный дастан; версия; вариант; эпический мотив; традиция.

Мухаметзянова Лилия Хатиповна, к. филол. н., доцент
Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ
lilmuhat@mail.ru

ДАСТАН «ТАХИР И ЗУХРА» ТАТАРСКОГО НАРОДА: ВАРИАНТ В. РАДЛОВА©

Наиболее объемными произведениями на сюжет о Тахире и Зухре у татар Поволжья считаются такие варианты дастана, как «Бабахан дастаны», известный под именем Саяди, «Фохир и Зухра», составленный А. Курмаши. Существует немало и других. По объему, степени самостоятельности, присутствию или